

★ Я Евгения Кротова
★ Верю в чудеса... ★ ★ ★

Евгения Кротова

Я верю в чудеса (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693365*

Аннотация

Мы, взрослые, как только взрослыми становимся, перестаем верить в чудеса. Вот Деду Морозу к нам и не интересно приходить. Да и опасно: придёшь к нам, а мы еще полицию позовем. Но только вера в чудеса заставляет нас дышать и делать следующий шаг по едва заметной в потемках тропе. Тропе нашей жизни.

Содержание

Танго	4
Полюби меня властно	26
Муська	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгения Кротова

Я верю в чудеса

(сборник)

Танго

Нежные ещё, ласковые лучи первого весеннего солнца касались её рук, оголенной шеи, порозовевших от беззаботного счастья щёк. В тёмных волосах, прямых и длинных, словно русалочьих, играли золотисто-розовые блики. Она медленно кружилась, закрыв глаза и впитывая в себя тепло, по которому так соскучилась в эту пасмурную и холодную зиму. За плечами – преддипломная практика, дипломный проект, часы в пыльных залах библиотек, нервные перешёптывания родителей. Впереди – шаг в неизвестность.

Сейчас – короткий миг, принадлежащий только ей.

Тревожная мелодия «Кумпарситы»¹ вывела её из равновесия: на экране светилась аватарка улыбающейся мамы.

– Алло, – отозвалась, скрывая вздох. Всё, веселью конец.

---

¹ *Кумпарсита* – (исп. La Cumparsita) – танго, одно из самых известных произведений этого жанра, автор – Херардо Эрнан Матос Родригес, написал его в 1914 году, будучи студентом, как марш, посвященный студенческой «кумпарсе» (cumparsa) – группе, в которой в то время состоял автор: отсюда-то позднее и возникло название танго.

– Стеша, где ты так долго? – требовательный, чуть капризный голос. Мама никогда не работала, создавая уют, обустривая быт своему мужу и Стешиному отцу, видному адвокату, профессору кафедры гражданско-правовых дисциплин престижного московского вуза, автору бесчисленного количества работ в области сравнительного правоведения. Наверно, только руководя жизнью такого человека, как её отец, можно увериться в собственной божественной непогрешимости.

– Я иду, мам. Только из университета вышла. Марго дипломную приняла, на этот раз без замечаний, – Марго – Маргарита Николаевна Зильбер – её научный руководитель, женщина сложная, болезненно реагирующая на знаменитого отца своей подопечной, несколько раз заставляла переписывать дипломный проект, требуя всё более глубокого анализа.

Мать фыркнула в трубке:

– Да кто бы сомневался... Слушай, захвати в супермаркете сыр вкусненький. Ну, ты знаешь, какой мне нравятся. И не задерживайся. В семнадцать сорок пять чтоб дома была. Тебе ещё надо переодеться к ужину.

Всё ясно. «Переодеться к ужину» могло означать только одно – сегодняшний семейный ужин наверняка не будет тихим.

Стеша послушно слушала материнские указания, неохотно перешагивая через тёмные, покрытые тонкой ледяной крошкой лужи. Взгляд блуждал и неожиданно упёрся в светлые глаза с искринкой. Они смотрели на неё, как на старую

знакомую, и улыбались. Будто знали о ней больше, чем может знать прохожий. Высокий худощавый парень в тёмной военной форме сидел на скамейке в парке и улыбался ей, пряча на дне серых глаз ватагу чертенят.

Стеша смутилась и ускорила шаг.

* * *

Конечно, она не ошиблась.

Конечно, её подозрениям было суждено сбыться.

Дома затевался грандиозный «сейшен». Начищен и выставлен хрусталь. Расправлены складки тяжёлых штор в гостиной. Начищен паркет.

На маме – элегантные узкие светло-бежевые брюки и свободная блуза навыпуск, крохотный кулон с изумрудом искрит на изящной шее. Золотистые волосы нарочито небрежно завиты и подобраны, оголив бархатистую кожу. Татьяна Николаевна в свои пятьдесят с небольшим могла дать фору многим двадцатилетним красавицам: стройная, ухоженная, уверенная в себе. На её фоне Стеша выглядела неоперившимся утенком.

– Ого, – протянула девушка, вручая матери полиэтиленовый пакет из супермаркета и сбрасывая с плеча сумку. – Это такой у нас семейный ужин?

– Приходится заботиться о счастье собственной дочери вот этими самыми, уставшими от семейных хлопот, рука-

ми, — мать театрально возвела ладони к потолку и закатила глаза.

Стеша тяжело вздохнула, прячась за дверью собственной комнаты: ясно, Олега позвали.

Олег Савельев — потенциальный жених. В последнее время он стал всё чаще приглашаться в дом, всё чаще задерживаться у отца в кабинете, всё добродушнее волочиться за матерью. С девушкой шутил и балагурил. Звал то на концерт модной группы, то просто побродить по городу. Ухаживал неумолимо и довольно мило. Стешу это устраивало: полунамёк на симпатию, лёгкое прикосновение, загадочная полуулыбка. А ближе к Новому году Олег стал смотреть на неё задумчиво. Будто приглядывался. И под этим взглядом Стеша ёжилась и холодела.

Вздрагивала невольно от попыток задержать в руках её ладонь. Прижаться коленом под столом к ноге. Дотронуться «нечаянно» до плеча, локтя... груди. Он ей нравился, Олег Савельев, будущий дипломат. Высокий. Красивый. Сильный. Уверенный в себе. И улыбка у него хорошая. И добрый он. И терпеливый. Это всё головой хорошо понималось. А вот сердце тревожно и с тоской билось, едва мелькала в телефоне его аватарка.

И сегодня сердце чувствовало неладное: хрусталь достали неспроста.

Ближе к половине седьмого вечера под потолком зазвенел, переливаясь, звонок, послышался шум: в холле базили

и щебетали чужими голосами. Стеша, в узких джинсах и не застёгнутой ещё рубашке, собирала в высокий хвост волосы.

Стук в дверь и одновременное бесцеремонное нажатие на ручку заставили вздрогнуть и судорожно схватиться за пуговицы: в комнату проскользнул Олег. Сегодня особенно начищен, улыбчив и душно обходителен.

– Ты чего тут копаешься? – прошептал, оглядывая её с ног до головы взглядом, от которого хотелось закрыться. Притянул к себе за талию, сорвал поцелуй, не замечая воинственно выставленных вперёд девичьих локтей. Его дыхание, горячее и тревожное, заставило сердце замереть. Его руки скользили по напряжённым плечам девушки, по узкой спине, спускались всё ниже...

Стеша нервно выдохнула и рывком отстранилась:

– Не надо.

Он сделал вид, что ничего не заметил, посмотрел искоса:

– Ты в курсе, мы всем составом к вам пожаловали?

Стеша вспыхнула:

– Так там – твои родители?! – мягко высвободила свои руки, чуть отстранилась.

Он усмехнулся, откровенно заглядывая под распахнувшийся ворот рубашки:

– А я о чём? Командировали тебя выцарапывать тебя из твоей кельи.

Стеша почувствовала, как краснеет, поправила воротник, застегнула пуговицу. И щёки, и уши, и шея, кажется, даже

припухли от волнения. Олег хохотнул, глядя на ее маневры, перехватил ее запястья, притянул к себе, в глазах загорелся лихорадочный блеск. Рука скользнула к талии девушки, ловко забралась под рубашку. Стеша шумно вздохнула, попробовала перехватить нахальные пальцы, которые умело пробирались по оголенной коже выше, обжигая откровенным прикосновением.

– Олег!

Он откровенно забавлялся, наслаждаясь ее неловкостью, смущением. Словно дачный кот, поймавший мышь, он с охотничьи азартом, позволял себе все больше.

Пальцы потянули застежку бюстгалтера.

У Стеши округлились глаза, она дернулась сильнее, вырываясь:

– Ты с ума сошел! – прошипела испуганно и поймала на себя его острый изучающий взгляд, почувствовала его влечение, которое будоражило его именно близостью родителей, возможностью быть обнаруженным.

На его губах играла бессовестная ухмылка:

– Брось! Ты их что, боишься?! – А по мне так это очень возбуждает.

Стеша ужом вывернулась из тесных объятий, прошептала:

– Не в том дело, – она с трудом подбирала слова, никак не могла собраться. – Я не ожидала, что они сегодня придут.

Олег улыбнулся ещё шире:

– А причину их прихода тебе рассказать? Или сюрприз

хочешь?

Девушка почувствовала, что сердце оборвалось и с размаху ухнулось в ледяной колодец, так плохо ей стало.

– К-какой сюрприз? – она понимала, что выглядит, как последняя идиотка – и так всё ясно. Но неужели вот так, сейчас, при всех, ей придется принимать какое-то решение? Что-то правильное говорить, обещать? Неистово и преданно улыбаться?

– К которому ты совершенно не готова, – он оценивающе посмотрел на неё, по-хозяйски уверенно распахнул дверцы шкафа и вытащил тонкое шёлковое платье, нежно-голубое. – Вот в это переоденься, – не признающим возражений голосом объявил он.

Скрестив руки на груди, прислонился к дверце шкафа, очевидно рассчитывая, что Стеша станет переодеваться при нем.

– Выйди. Иначе пойду в джинсах.

Он криво усмехнулся, привлек девушку к себе и бесцеремонно поцеловал, больно кусая губы девушки. Только после этого победно посмотрел на нее и, наконец, выскользнул из комнаты.

Олег всё обставил с большим пафосом. Бросание на одно колено, прикладывание к руке, влажный взгляд, высокопарные речи – полный голливудский комплект. Кто его надушил – неизвестно. Но обе маменьки умиленно складывали руки, вздыхали и закатывали глаза.

Уже составлены списки гостей. Выбрано место бракосочетания и свадебного пира. Уже продуманы развлечения и подарки молодым. Мама только изредка поглядывала на Стешу, осведомляясь, согласна ли она.

Та вначале кивала, выискивая в душе искорку радости и предвкушения счастья, потом перестала. Всё решено без неё.

Отец после ухода гостей похлопал по плечу:

– Не трусь, дочь. Олежка хороший парень, перспективный, серьёзный, мотивирован на успех, и к тебе хорошо относится. Вы только с детками повремените, чтоб и у него всё сложилось, и ты не в домохозяйках осталась, с твоей-то головой. Я, кстати, с Василь Геннадьевичем уже всё обсудил, завтра к нему съездишь, познакомишься поближе с будущим начальником. И там, – он выразительно изогнул седую бровь, – очаровательней улыбайся – такие места на дороге не валяются.

Итак. Муж выбран. На работу, считай, пристроена. Дом и дерево – на очереди. С детьми разрешили повременить.

Дорога из жёлтого кирпича упёрлась в ворота Изумрудного города².

* * *

На следующий день она поехала знакомиться с будущим

---

² «Волшебник Изумрудного города» – известная сказка А. Волкова.

шефом. Нервно поглядывая на часы, она притопывала ногой, мысленно подгоняла автобус, жёлтое туловище которого уже показалось и встало на перекрёстке, перед красным сигналом светофора.

– Ну, пожалуйста! – опаздывать на такую встречу не входило в её планы.

Транспорт неторопливо подъехал к остановке, важно распахнул двери, впуская замерзших пассажиров внутрь. Медлительные горожане оплачивали проезд, чинно проходили через турникет. Стеша уже готова была взвыть. Заскочив в салон, она плюхнулась на свободное сидение у окна. В сумке завибрировал сотовый. Машинально посмотрев время и отметив, что Василь Геннадьевич может уйти обедать, она увидела на аватарке улыбчивое лицо Динки Ивановой – институтской подруги.

– Чего сегодня вечером делаешь? – Стеша ничего не планировала. – Тогда пошли с нами, мы в «Точку»³ собрались, прикинь, там «Гераклион»⁴ играет сегодня. Ирка добыла приглашительные. Пойдёшь? Можешь и Олега своего взять, места есть.

Стеша посмотрела в окно: небо набухло тяжёлыми тучами. К вечеру наверняка пойдет дождь.

---

³ Такого клуба в Москве не существует. Существовавший до весны 2003 года одноименный клуб закрыт.

⁴ Несуществующая в действительности рок-группа, любые совпадения случайны.

– Пойду. Без Олега, – коротко отозвалась она, не решившись рассказать о вчерашнем предложении руки и сердца. Тем более что с Олегом давно повелось – звонил только он. В строго определенное время. Он не любил экспромтов. Он не любил неожиданностей и сюрпризов. Даже готовя подарок, он всегда сообщал, что подарит – чтобы точно «попасть».

Двери автобуса распахнулись, впуская очередную группу пассажиров. Сердце ухнулось в пятки – в салон входил вчерашний незнакомец из институтского сквера. Тот, с широкой улыбкой и серыми лучистыми глазами. Заметив Стешу, удивился, но тут же подошёл. Чёртики в глазах с любопытством уставились на неё:

– Привет. Маленький город, правда? – у него бархатистый голос, в который хочется укутаться.

Стеша усмехнулась.

– Егор, – он тихо представился. – Ты далеко путь держишь?

Стеша назвала адрес, втихоря разглядывая незнакомца. Худощавый, но плечистый, высокий, лицо едва тронута загаром. Улыбка открытая, чуть сдержанная.

– Ты там надолго планируешь?

Пожала плечами:

– От силы час.

Он понимающе изогнул бровь.

– Я могу подождать? – чуть склонил голову к плечу в ожидании ответа.

Стеша посмотрела прямо в его глаза: чёртики притихли, замерли, наострив лохматые ушки.

– Подожди.

И весь разговор с Василием Геннадьевичем пыталась сосредоточиться и выбросить из головы этого странного парня, который, конечно, поехал дальше. И она его вряд ли когда-то увидит – не бывает в Москве таких совпадений.

Но, выходя из здания, сразу увидела его: подтянутая фигура в форме и с букетом алых роз.

– Один час двадцать минут и сорок шесть секунд, – улыбнулся он, вручая ей цветы.

* * *

Клуб «Точка» располагался в самом центре. Живописный сквер, горделивый барельеф у метро как контраст мрачно-ватно-брутального интерьера клуба.

Небольшая сцена, хороший звук, просторный танцпол сделали его культовым местом отдыха молодежи. Здесь не было безбашенных малолеток. Сюда приходила почтенная публика, в душе которой играл рок.

Стеша выбралась из душного метро. Идти особого желания не было, но отказаться – значит, нарваться на допрос с пристрастием к Динке, а психологических бесед и экзерсисов сейчас хотелось меньше всего.

Встреча с Егором всколыхнула что-то в душе, подняла со

дна илистую муть, неплотную и неясную. С ним оказалось легко. Интересно. Он никого из себя не строил, не пытался произвести впечатление. Рассказывал почти всю дорогу до метро о кораблях и море. А потом попросил номер телефона. Она сделала вид, что не услышала.

– Стешка! Пришла!!! – около входа в клуб к ней подлетела Динка, сумасшедший начёс на её рыжей шевелюре делал подругу похожей на огненный смерч. – Глянь, какая штука у меня есть.

Она закатала выше локтя рукав пальто, демонстрируя подруге татушку с феерическим драконом с обложки последнего альбома «Гераклиона». Стеша вытаращила глаза:

– Ты с ума сошла, что ли? Всю жизнь теперь прятать!

Подруга самодовольно осклабилась:

– Деревня ты! Это ж временная. Но зацени как круто?!

Стеша пожала плечами.

Молодой парень в гардеробе принял их пальто, мельком глянул на пригласительные и выдал ядовито-зелёные браслеты:

– Вам в «Зелёную зону», прямо и направо, рядом с баром.

– Кру-уто! – Динка от возбуждения закипала. Взбитые густой пеной рыжие патлы походили на пар от закипающего чайника. – Ирка тоже уже должна подойти.

– Она там, в зале? – Стеша чувствовала першение в горле, от надрывного рева электрогитары подташнивало и звенело в висках.

Динка неопределенно махнула головой.

– Какая разница? Не там, значит, подойдет. Большая девочка.

Стеша покачала головой и полезла в сумку за телефоном:

– Договорились вместе, значит, и надо вместе, – она посмотрела на горящую нетерпением подругу с жалостью. – Ты иди. Я дозвонюсь до неё и найду тебя в этой самой зелёной зоне.

Динка раздраженно фыркнула и бросилась внутрь. Стешу, словно цунами, накрыло оглушительным слайдом⁵ бас гитары, запахом сигарет и сухого дыма. Подруга скрылась в мерцающем мареве огней и тяжёлого бита.

Стеша присела на край дивана, достала телефон. Зелёный значок месседжера с красной циферкой непринятого сообщения. Ирка писала, что задерживается минут на десять, и просила подождать её в холле. «А то где я вас там искать буду», – приписала подруга.

Стеша посмотрела на время отправки сообщения: Ирка три минуты как должна быть здесь. Девушка решила попробовать набрать Иркин номер, но связь ловила плохо, треугольничек шкалы то мелькал на единичке, то пропадал вновь. Стеша, выставив вперед руку с зажатым в ней сото-

---

⁵ Слайд (англ. Slide guitar) – особый метод или техника игры на гитаре, при котором играют при помощи слайда (от англ. slide – скользить, плавно двигаться), надеваемого на палец. Слайд во время игры не отрывается от поверхности струн, а скользит по ним. Струны при этом не прижимают к ладам. Получается характерный для рок-металла звук.

вым, пошла по вестибюлю искать связь.

Лучше всего «ловило» в туалете, причём, чем выше, тем лучше.

Сбросив туфли, Стеша вскарабкалась на крышку. Раздались протяжные, медлительные, как майский мёд, сигналы.

– Я уже у метро! – крикнула Ирка в трубку и отключилась.

В туалет кто-то зашёл, в нос ударил приторно-сладкий аромат духов. Стеша аккуратно спустилась, надела туфли.

– Алё, Котик, – прошебетал кокетливый голосок. – Ну, я соскучилась уже. Ты когда подъедешь? – Стеше неловко было, но и выходить из кабинки сейчас, посередине разговора, тоже как-то... неловко. Она замерла и притихла, стараясь не прислушиваться. Ей представлялась блондинка в провокационном мини и в кукольно-розовом топики.

Незнакомка радостно вскрикнула:

– Правда? УЖЕ здесь?! Я бегу-бегу!

И она, окутанная конфетным ароматом, выпорхнула из дамской комнаты.

Стеша вышла из кабинки, вымыла руки, пригладила волосы. В таком освещении она была похожа на панночку из Гоголевского «Вия»: бледная кожа, брови вразлёт, пронзительный взгляд. Веночка не хватает и белого балахона. Девушка хмыкнула, подхватив сумочку и сотовый, направилась к выходу.

У гардероба миловались двое. Блондинка в головокружительном, едва прикрывающем попу, мини, и на двенадцати

тисантиметровых шпильках тёрлась о высокого худощавого парня, висла на его шее, оставив ножку в чулках в крупную сетку. Тот млел и таял от внимания, улыбался глупо и влюблённо.

Стеша замерла, почувствовав, что дышит с трудом. Отпрянув, присела на край дивана. В голове тяжёлую дробь отбивали ударники из зала. Кажется, она слышала эту композицию. «Убей меня, но больше не зови».⁶

Мысли, будто жернова, в тесном мозгу медленно кружились в такт музыке и гранжевому тексту.

Незнакомка нежно прильнула к его губам, прижалась стройным телом. Его руки обхватили талию, чуть надавили на спину, впечатывая упругие формы в своё тело, скользнули ниже поясницы, поглаживая упругие бедра.

Стеша облизнула пересохшие губы. В руке завибрировал телефон: не глядя, она знала, что это – Ирка.

Входная дверь распахнулась, обдав целующихся вечерней свежестью и ароматом дождя. Ирка громогласно поздоровалась со всеми присутствующими, чем невольно отвлекла обнимающуюся парочку. Парень, ещё томно прикрывая глаза, оглянулся и замер:

– Олег? – голос Ирины сорвался, глаза округлились, взгляд скользнул по прижавшейся к парню нимфе.

– Олежа, кто это?

Парень моргнул, по белому лицу пошли малиново-крас-

---

⁶ Несуществующая композиция, любые совпадения случайны.

ные пятна, в глазах читался судорожный поиск алгоритма оправданий. Ирина отвела взор с его окаменевшего лица и встретила взглядом со Стешей.

Савельев чуть отстранился от подруги, автоматически приняв отрешенный вид, но по лицу невесты понял, что она видела всё.

Всё, что ей видеть не полагалось.

Все трое замерли. Незнакомка в мини обиженно надула губки, уже открыла рот, чтобы начать ныть.

Ирина рыкнула; махнув через крохотный вестибюль, она схватила подругу за локоть и поволокла вон, мимо остолбеневшего и шепчущего невнятные оправдания Олега.

Его лицо плыло перед Стешей, словно в замедленном немом кино. Она до мельчайших подробностей видела его глаза, чуть растрепавшуюся в объятиях знойной красотицы прическу, к которой он никогда не разрешал ей, Стеше, прикасаться, расстёгнутый ворот рубашки, которую она, Стеша, ему подарила на день рождения. Терпкий аромат модного одеколona смешался с приторно-сладким конфетным запахом блондинки, вызывая приступ дурноты. Вот же только вчера в любви и верности клялся!

И в следующее мгновение она оказалась на свежем воздухе. Прохлада чистого апрельского вечера, чуть накрапывающий дождик освежили ее, ворвались в лёгкие, омыли глаза, ноздри.

Как куклу её засунули в жёлтое такси.

Над ухом что-то орал Иркин голос. Хлопнула дверца авто. Крепкие, словно тиски, объятия подруги.

– Всё, всё, – шептала она, прижимая голову Стеши к своей груди, неистово приглаживая волосы, озябшие плечи, продрогшую спину.

* * *

– Стеша! – вскрикнула мать, стоило дочери переступить порог. – Объясни мне, что происходит?! Олег оборвал весь телефон, волнуется, переживает. Говорит, вы повздорили, ты убежала и теперь не берешь трубку. Что за мальчишество! Разве взрослые люди так поступают?!

Это всё было высказано сразу, в запале, прямо на пороге уютной и благоустроенной квартиры.

– Я не хочу его видеть, – коротко сказала девушка, просачиваясь мимо матери домой. Устало присела на пуф, сбросила туфли.

Татьяна Николаевна упёрла руки в бока, посмотрела на дочь сердито.

– Что значит «не хочу видеть»?

– То и значит. Не хочу. И не буду.

Мать на мгновение потеряла дар речи, беспомощно развела руки, но собралась быстрее, чем это можно предположить.

– Это что же ты могла такое учудить, что тебе стыдно ему

на глаза показываться?! И почему ты раздета? Где твоё пальто?! – её голос становился всё громче и нервнее.

Ирина, неприкаянно стоявшая на пороге и беспокойно поглядывавшая то на Татьяну Николаевну, то на подругу, поняла, что ей пора вмешаться:

– Татьяна Николаевна, это, возможно, не совсем моё дело, но вы на Стешу зря нападаете. Олег с какой-то кралей в клубе лизался. Я это видела своими собственными глазами. И Стеша – тоже.

Татьяна Николаевна не удостоила Ирину взглядом, бросила через плечо:

– Простите, девушка, вы совершенно правильно заметили, это не ваше дело...

Ирка покраснела, сделала глубокий вдох и выдох, стараясь успокоиться и не нагубить.

– Мам, не надо так с Ирой. Она моя подруга... И она говорит правду. Олег целовался с другой девушкой. И ему это чрезвычайно нравилось.

Татьяна Николаевна всплеснула руками:

– Этого просто не может быть. Ты наверняка что-то неправильно поняла!

– Ни фиги себе неправильно! – Иванова вытаращила глаза и скривилась. – Что тут можно неправильно понять?!

Не говоря больше ни слова, Стешина мать схватила Ирину за локоть и буквально вышвырнула в коридор, с грохотом захлопнув за ней дверь.

– Дура!

Стеша покачала головой и направилась в свою комнату. Татьяна Николаевна бросилась за дочерью:

– Стой, не смей уходить, пока я не закончила с тобой разговаривать!

Девушка зашла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

* * *

Наконец, она осталась одна.

Не раздеваясь, она легла на диван, положив ноги на подлокотник – не очень удобно, но ей все равно.

Обрывки фраз, буквы сложились в вопрос, который повис над её изголовьем, подсвечивая его изумрудно-красным маразмом: «За что?»

Что она, Стеша Сомова, двадцати трех лет от роду, умница и отличница по жизни, послушная дочь и верный товарищ, сделала не так?

«Всё, что нас не убивает, делает сильнее. Отлично. Новость об измене Олега меня не убила. Значит, сделала сильнее. Для чего? Какие планы у Всевышнего на меня, чтобы провести через эту грязь и мерзость? Через вот этот взгляд матери и слова «Что ты там такое натворила»?»

Телефон вздрагивал и гудел, не переставая. Пришлось встать и выключить.

Требовательно постучала мать:

– Степанида, открой немедленно! Что за глупые выходки?!

Стеша тупо уставилась на дверь и включила магнитофон громче. Стоял как раз диск группы «Ария». «Есть точка невозврата из мечты».⁷ «Это как раз про меня», – Стеша опять легла.

Мерзко не то, что он полюбил другую: от этого никто не застрахован. Мерзко враньё. Грубое и систематическое. Заставлять её звонить строго по времени, встречаться в строго отведенные дни, строить совместные планы, предлагать платё, в котором ей следовало предстать перед будущей свекровью...

Какую роль он ей уготовил? Хотя... Стеша и так понимала: ждать Олега с работы, терпеть его «занятость», не задавать «лишних» вопросов, пока он будет наслаждаться жизнью во всех её проявлениях. Перед глазами встала целующаяся пара. «Котик», блин. В носу засвербело от всплывшего в памяти приторно-сладкого аромата.

Бросив в сумку пару сменного белья, свитер и запасные джинсы, она пересчитала отложенные на отпуск деньги. Торопливо вышла из комнаты, практически нос к носу столкнувшись с матерью.

– Ты куда собралась?!

– Проветриться, – и, не дожидаясь, пока мать опомнит-

---

⁷ «Точка невозврата» – песня российской рок-группы «Ария», слова Маргариты Пушкиной, музыка Михаила Житняка, Виталия Дубинина.

ся, подхватила сапоги и выскочила на лестничную площадку. Сбежала на несколько пролётов вниз, только тогда нажала кнопку вызова лифта, уже слыша в спину материнский окрик. Обулась в кабине и, не оглядываясь, пробежала через пустынный холл и выскочила во двор.

Мчались, окатывая её серебристыми огнями, машины, москвичи спешили домой, к плотному ужину под равнодушный шёпот ТВ, к развлекательным шоу и сериалам.

На душе было пусто, гадко. И непонятно, что больше подкосило – предательство Олега или уверенность матери в его правоте.

Железнодорожный вокзал. Оранжевый продолговатый билет в один конец.

Душное тепло плацкартного вагона.

Она прошла на свою «боковушку», мельком взглянула на брошенную пассажиром верхней полки спортивную сумку, и устало присела на своё место, уставившись в черноту ночи.

В отражении мелькнула смущённая улыбка, тёмная фигура в военной форме замерла у откидного столика.

– Привет, – бархатистый голос, в который хотелось укутаться.

Она резко обернулась от неожиданности: серые глаза смотрели удивлённо и улыбались. Чёртики в их глубине озадаченно перешёптывались. Разве такое бывает?

Егор покосился на онемевшую девушку, снял чёрный китель и присел напротив.

Чёртики в светлых глазах замерли в ожидании:

– Чаю хочешь?

Примечание автора. Эта первоначальная версия истории Стеши и Егора. Когда-то она не оставила равнодушной читателей, и из небольшого рассказа появился роман «Танго sforzando», стремительное танго двух юных сердец, которым предстоит найти смелости защитить свое счастье и открыть секрет загадочного изумруда Дома Романовых. А сейчас для вас провокационная история, которая могла случиться в жизни любой читательницы. А, может быть, и случилась. Скажу по секрету, история родилась после «интервью» с моим мужем.

Полюби меня властно

– Паспарту, подожди, – Натка высунула обгоревший и облупившийся нос из-под одеяла, легонько оттолкнула меня. Глаза блеснули в темноте.

Никогда не женитесь на одноклассниках, мужики. Кличка «Паспарту» приклеилась ко мне в седьмом классе, когда на вопрос учителя «какой самый главный документ в России», я с последней парты трижды ответил: «Паспорт». А он имел ввиду Конституцию.

До конца третьей четверти я был просто «Паспорт», а накануне восьмого марта, когда делали подарки девочкам и оформляли их гребаным паспарту... Ну, вы поняли.

Короче, никогда не женитесь на одноклассниках – пого-нялово будет звучать в очереди, на пляже, в постели, будь вы уже двадцать лет как закончили школу.

Я подобрал съехавший на пол край хрусткого одеяла, сел, повернул выключатель светильника на минимум.

– Че те надо, Синицына?

Натка надула губы, шмыгнула носом.

– Мы же в отпуске. В кои веки без детей... Опять же – юбилей завтра, хрустальная свадьба. Давай как-нибудь романтично?

– Что романтично? – не понял я. Лучше б не спрашивал.

Натка покраснела, на лбу выступила испарина. Вытащив

руки из-под одеяла, она вцепилась в край пододеяльника. Набравши в грудь побольше воздуха, выпалила:

– Хочу, чтобы ты взял меня властно.

Не, Натка в целом-то у меня адекватная. Бухгалтер, зарплату людям начисляет. В декрете дважды отсидевшая. Толстого любит, опять же. Но что-то в ней переменилось за эти шесть месяцев после Нового года. Томное поблескивание в глазах. Долгий взгляд. Прерывистое дыхание.

Как-то иду по коридору, она у зеркала вертится. Развернется и как шлепнет меня по ягодицам...

И, главное, посоветоваться не с кем. Не с мужиками же обсуждать, в самом деле.

– Наташ, ты конкретнее выражайся. Что значит «взял», как именно «властно»? – тянул время я.

Натка подготовилась, даром что ли отличница, – достала из-под подушки электронную книгу, которую я ей подарил на Новый год, сунула мне под нос:

– Вот так. Примерно, – и покраснела.

Я поправил подушку, подвинулся ближе к лампе и, добавив мощности светильнику, нацепил очки.

«Он перехватил мои запястья, властно закинул их за голову», – прочитал я. Заметив знакомое слово, перечитал. Покосился на Натку: супруга, закусив губу, барабанила пальцами по пододеяльнику. Я вернулся к тексту. «Я возьму тебя здесь и сейчас, лучше не сопротивляйся», – увидел я еще одно искомое слово.

– Натка, – я отложил «инструкцию», повернулся к при- тихшей жене. Подкрался к укутанному в одеяло бедру, тихонько ткнул пальцем. – Ты нафига себе это в книжку за- ка- чала?

Супруга фыркнула, подобралась и ловко выскользнула из- под моих ладоней. Нацепила на округлые плечи халат.

– Дим, мы с тобой пятнадцать лет в браке. Ты у меня пер- вый. И единственный, – на всякий случай уточнила она, – но ведь это же не значит, что я не хочу никакого разнообразия?!

Какая-то логика в этом была. Но мотивация явно «прови- сала».

– Почему разнообразие вот в таком виде должно выра- жаться? – я кивнул на электронную книжку.

Натка запахнула халат, нервно тряхнула волосами:

– Потому что я хочу так. Попробовать. Один раз.

– А если мне понравится? И ты во мне разбудишь мачо? Чего мы с ним будем делать? – я прищурился.

Наташка моя покраснела. Выдохнула и решительно ска- зала:

– Будем его ублажать.

По работе я привык договариваться что называется «на берегу», до заключения сделки. Желательно письменно. Этот вариант, конечно, подошел бы идеально и в этой ситу- ации. Но Натка застала меня врасплох, и бумаги под рукой не было.

– Так, давай уточним, – я хотел хотя бы проговорить все

условия. – Ты желаешь получить такой секс, за который в приличном обществе мужику полагается уголовная ответственность. Верно?

Наташка насторожилась:

– Ну, это же со мной. Я же согласна, – растерянno отозвалась она и присела на край кровати.

– А на тебе не написано, что ты согласна, и что ты моя, – отрезал я. – Но это не важно. Раз хочешь, значит, получишь.

Я выбрался из-под одеяла, демонстративно прошел к шкафу, достал парадные джинсы. Развернувшись к Наташке, надел прямо так, без белья. С удовольствием отметил, как у жены округлились глаза, в серой дымке бенгальскими огнями загорелся страх и сомнение, рот приоткрылся.

– Дим... Ты чего задумал?

Поправив пояс – не ожидал, что швы так царапаются и трут – я схватил с полки свежую футболку. Направился к двери: не будить же в себе властелина при Натке.

– Ди-им!

– А! Эту... Инструкцию свою давай! – Эффектный выход не получился. Ну и фиг с ним. Наташка и так, кажется, дар речи потеряла. Потянулась за книжкой, передала мне. В глазах – полный вакуум. – Жди тут.

Кажется, я начал входить в роль.

Итак, что у нас есть?

Один тридцатипятилетний начальник одного не очень крупного строительного бизнеса и одна его уже пятнадцать лет как жена. Которую он знает по факту двадцать пять лет. Он помнит ее прыщи. Помнит ее с нулевым размером груди. Он помнит ее с токсикозом. Видел пьяной, уставшей, невыспавшейся, ненакрашенной, сильно накрашенной, болеющей гриппом, после родительского собрания.

Двадцать пять лет. Целая жизнь!

Я спустился на первый этаж сонного анатолийского отеля. В баре уже почти не было посетителей, бармен приветливо улыбнулся и сообщил, что через сорок минут они закрываются. Мне, может, и хватит.

В Наташку я втрескался в восьмом классе. После летних каникул она пришла с огромным букетом, в мини, едва прикрывавшем попу, и жуткой блузке с необъятным жабо. Она была отличницей, а я – Паспарту. Я не решался к ней подойти весь восьмой класс. А в конце года, в последний учебный день, она сама подошла ко мне и спросила:

– Дим, а ты с родителями когда на дачу уезжаешь?

Вот так просто. Не «Паспорт», не «Паспарту», а «Дима». Я, кажется, забыл, что умею говорить, промычал в ответ что-то невнятное. И на дачу с родителями в то лето я не поехал.

Мне было пятнадцать. Я устроился на стройку, таскал гвозди и пеньку, бегал мужикам за пивом. А она ждала меня в сквере после «работы», и мы шли в кино. Или гуляли на набережной.

Я вспомнил, как поцеловал ее в первый раз. Я понтовался перед ней, забрался на парапет моста. И шлепнулся, конечно. Пострадало самомнение, и чуть оцарапал руки. Натка взяла их в свои ладошки и долго дула на присыпанную мелким песком ранку. Так близко, что я слышал, как в панике бьется ее сердце. Она подняла голову, я наклонился и коснулся губами ее губ.

Думал, даст по шее.

А она замерла. Даже дышать перестала. И сердце в ее груди бухнулось и тоже застыло. На мгновение. На миллисекунду. А потом она распахнула глазищи, и я спекся окончательно – поклялся, что Наташа будет моей женой.

У нее они странные, глаза. Серые, с дымкой. Камень такой есть похожий, раухтопаз. Я подарил ей в прошлом году кольцо с ним. Не знаю, чего не носит. Спросить как-то неудобно: вдруг, не понравилось.

Самое главное. Она же тоже у меня первая. Хоть и не знает об этом.

В школе еще учились. Уже два года, считай, встречались, за ручку ходили. А тут майские праздники. Сирень цветет, запах над Москвой оглушительный. Солнце. А Натка с ангиной. Температура под сорок. Мать ее позвонила, попросила

присмотреть – ее саму на работу срочно вызвали. Пришел, а Натка вся такая измученная, несчастная. Говорит, почитай химию, а то боюсь, отстану сильно.

Ну и почитали. Дочитались, в общем.

Даже сейчас помню, как она звенела в моих руках. Как вздрагивали острые нескладные плечи, как темнели глаза. Господи, мы ж не умели ничего тогда, ничего не знали. И вот поди ж ты, столько лет, а будто только вчера.

И как вот это все я могу «взять», еще и «властно»?

– Еще будете? – спросил бармен. Бар совсем опустел, но он не прогонял меня. Присел напротив, придвинул бокал, наполненный доверху льдом.

Я кивнул.

Парень плеснул горьковатый и на вкус, и на цвет напиток, посмотрел с интересом.

– У вас завтра юбилей свадьбы, – не спросил, а именно сообщил. Я удивленно оторвал глаза от искрящегося бокала. Парень улыбнулся широко: – На ресепшнере предупредили, у нас с этим строго. Весь персонал в курсе, как выглядят постояльцы с «важными датами»: день рождения, день свадьбы...

«Капитализм с человеческим лицом», – некстати мелькнуло в голове.

– Выпейте со мной, – предложил вслух. Парень все-таки из-за меня на работе задерживается. – У вас девушка есть? – спросил.

Бармен улыбнулся еще шире. Похоже, он надо мной потешался.

– Есть, – ответил, – но ведь спросить вы хотели не об этом. Валяйте, экстренная психологическая помощь входит в пакет услуг. Я ведь все-таки будущий психолог.

Я опять уставился в бокал. Не буду же я обсуждать свою жену с первым встречным?

– Она хочет новизны в отношениях. Хочет грубой романтики попробовать, – меня прорвало неожиданно. – Книжечк начиталась. – Я схватил электронную книгу, зачитал барменну фрагмент. – Как я могу «сжать», «скрутить», блин, Наташкину грудь? Она ею моего сына кормила. Ее руки дочку мою качали, а я их буду как варвар выкручивать?

Я отбросил в сторону электронную книгу, отвернулся.

– Просто любите ее как в первый раз, – тихо улыбнулся будущий психолог. – И как будто в последний.

* * *

Дурак. Много он понимает, желторотик. Пацан. Салага. Еще учить меня будет.

Натка распахнула дверь, стоило мне только подойти: ждала. Глазищи шальные, испуганные. Увидев, отшатнулась, утонула в темноте.

– Димка, я думала, ты обиделся, – прошептала.

Зашел в номер. Разобранная постель, совсем такая, как

час назад. С балкона врывается пропитанный отпуском ветер. Над горизонтом уже занялась тонкой полосой заря. Натка зареванная, тревожная, натянутая, словно струна.

Как тогда, в первый раз.

Я привлек ее к себе. Просто чтобы заглянуть в глаза, увидеть эту дымку заветную. А увидев – не расплескать, не растратить.

Натка тихо вскрикнула, уставилась испуганно-удивленно. Я держал руку на ее плече и чувствовал ее напряжение. Чуть отвел воротник халата, чтобы дотронуться до шеи. Родной. Манящей как тогда, в первый раз. С трогательным изгибом и завитками каштановых, пахнущим домом волос.

Склонился к ней, впитывая ее аромат. Миндаль и облепиха. Зарылся пальцами в волосы, обхватил затылок.

Вся моя.

– Я не могу тебя «грубо» и «властно», – прошептал в губы. – Могу только как в первый раз, – и, не дожидаясь ответа, поцеловал.

Сердце в груди будто поймало солнечного зайчика – Натка подалась вперед, впечатываясь в меня, жарко приоткрыла губы.

Руки вспорхнули, легли на плечи.

И так тепло сразу стало. Так светло. Будто вот так, махом, минус двадцать лет жизни с плеч. Будто тебе снова семнадцать, и эта девочка в твоих руках – центр огромной неизведанной вселенной.

– А ты почему не носишь кольцо, которое тебе подарил? Которое с раухтопазом. . . – побросав на пол одеяла и подушки, мы смотрели, как просыпается солнце. Длинные оранжевые лучи лениво тянулись к нам, плясали на наших обнаженных телах.

Она смущенно потерла облупившийся нос о мою щетину, уткнулась в шею. Стало щекотно.

– Жалко. Боюсь потерять все время: там камень большой.

– Носи, – подумал и добавил: – Тебе к глазам подходит.

Примечание автора. *Что мы знаем о наших подросших дочерях? О чем они мечтают, к чему стремятся, чем живут? Всегда ли мы знаем ту границу между дочерью-малышкой и дочерью-взрослой женщиной.*

Муська

«В черной-черной комнате на черном-черном диване смотрит в черное-черное окно черная-черная женщина», – Александра покачивалась, обняв себя за плечи, баюкая. А назойливая детская страшилка никак не забывалась.

Она посмотрела на часы: половина одиннадцатого вечера. Через пасмурное небо не пробивается свет ни одной звезды. Фонарь на углу, рядом с автобусной остановкой уже месяц как обещают починить.

Александра заставила себя отвернуться от окна – от того, что она гипнотизирует ночь за окном, дочь на дороге к дому не появится.

«Ненавижу», – бросила в лицо утром, схватила рюкзак и выскочила из дома. Телефон остался дома – Александра обзвонила всех друзей и знакомых из списка контактов – ни у кого Иринка не появлялась. Либо сказали, что не появлялась.

Десять часов тридцать шесть минут.

Александра обошла комнату кругом, в сотый раз за этот день прокручивая утренний спор.

Хотя нет. Не правда. Прокручивать приходилось последние три месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.